

ГЛАВА 1

Болезнь всегда плохо. Впрочем, болезнь болезни рознь. Бывает болезнь серьезная, вызывающая уважение, то есть такая болезнь, что с ней, хочешь того или не хочешь, приходится считаться. Ты идешь к доктору, от него — в аптеку, где покупаешь прописанные доктором лекарства, отправляешься домой, ложишься в постель и стоически ждешь, пока лекарства вступят в схватку с болезнью и одолеют ее. Ты, значит, лежишь в постели, страдальчески смотришь в потолок, а родные и близкие то и дело подбегают к тебе, чтобы пощупать лоб, поправить подушку, уточнить, не забыл ли ты принять предписанное лекарство или не хочется ли тебе чего-нибудь вкусенького. В общем, сценарий болезни известный.

Бывает, конечно, и по-другому, когда доктор выдает тебе категорическое предписание не шутить с собственным здоровьем, а прямо из его кабинета отправляться в больничную

палату. И ты, удрученно разведя руками, повинешься, потому что — куда тебе деваться? В самом деле — шутить с собственным здоровьем себе дороже.

Но бывает болезнь подлая и коварная. Главное дело, весь организм у тебя работает как часы, четко и слаженно, а в каком-то одном месте случается казус. Например, вдруг у тебя заболела поясница. Да притом так сильно, что ни согнуться, ни разогнуться, ни вздохнуть, ни охнуть. И главное, непонятно, отчего с тобой приключилась такая беда, надолго ли она и как от нее избавиться. Вроде и жаловаться стыдно на такое несерьезное недомогание, а с другой стороны — и рукой-то на него не махнешь, потому как — мешает, раздражает и отвлекает от работы, да и от всех прочих дел. Допустим, беседуешь ты с каким-нибудь человеком по каким-то служебным вопросам, а сам согнут крюком. Ну какая же это беседа и какой от нее прок? Да и вообще — ни в служебное кресло толком не сядешь, ни в служебную машину, а чтобы вылезти из машины — тут и вовсе говорить не приходится. Сплошное мучение! А если к тому же придется прилагать какие-то физические усилия и предпринимать энергичные телодвижения? Вот то-то и оно. Вроде бы и несерьезная болезнь, а с другой стороны, и отмахнуться от нее нет никакой возможности. ■ Только и думаешь о ней, окаянной.

Вот как раз такая-то беда и приключилась со старшим оперуполномоченным по особо важным делам Главного управления уголовного розыска Министерства внутренних дел России полковником Львом Ивановичем Гуровым. Что интересно, еще утром никакой боли Лев Иванович нигде не чувствовал, он, как обычно, был энергичен и деятелен, а вот ближе к обеденному времени... Да притом так неожиданно, будто в Гурова кто-то выстрелил и попал akurat в поясницу! Лев Иванович только охнул и согнулся пополам, а уж разгибался он долго, мучительно, в двадцать четыре приема. Сначала он надеялся, что это всего лишь какая-то мгновенная шалость организма и боль скоро отпустит, но не тут-то было. Боль уходить не желала. Когда Гуров находился в состоянии покоя, боль особо не ощущалась, но стоило ему шевельнуться или хотя бы глубоко вздохнуть, как боль тотчас же возникала вновь, и казалось, каждый ее новый приступ становится сильнее предыдущего. Одно лишь было хорошо — что все это случилось в рабочем кабинете, а не на виду у людей. А то ведь получился бы конфуз: сыщик Гуров, согнутый в четыре погибели... Жалкое зрелище.

Да, но что же делать? Лев Иванович никогда особо не обращал внимания на свое здоровье, он не любил жаловаться на болячки и тем более лечить их. Он исходил из принципа «поболит

и перестанет», и надо сказать, что до сих пор принцип действовал. Но на этот раз, похоже, он дал сбой. Потому что болело и не переставало.

Гуров с трудом извлек из кармана мобильный телефон и, безмерно страдая, нашел в нем номер верного друга, коллеги и соратника Станислава Крячко.

— Стас, ты где? — простонал Лев Иванович в трубку.

— Блуждаю в лабиринтах нашего мрачного заведения, — в своем обычном шутилом стиле ответил Крячко. — Увлекательное, доложу, занятие! А что такое?

— Бросай свои блуждания и беги в кабинет, — сказал Гуров.

— Возникло дельце? — поинтересовался Крячко.

— Еще какое, — поморщился Гуров. — Вот, сию и радуюсь... Хочу, чтоб и ты порадовался.

— Уже бегу, — сказал Крячко и отключил связь.

Спустя минуту он влетел в кабинет.

— Несмотря на ужасающую запутанность наших конторских коридоров... — начал он и осекся. — Э, да что с тобой? На твоём лице просто-таки мировая скорбь! Что случилось?

— Да вот, — нехотя сказал Гуров, — прихватило. Ни разогнуться, ни вздохнуть... Поясница...

— М-да... — почесал в затылке Крячко. — Диагноз неприятный, что и говорить. Сам не испытывал, но слышать и наблюдать приходилось. А может, само пройдет?

— Может, и пройдет, — с сомнением ответил Гуров.

— А что, если поделаться гимнастику? — предложил Крячко. — Ну, попрыгать, поприседать, наклониться... Вдруг поможет?

— Посоветуй еще повилать бедрами и поплясать вокруг шеста! — огрызнулся Лев Иванович. — Сказано тебе — прихватило!

— Да, слово емкое и вызывающее уважение, — согласился Крячко. — А тогда — поезжай-ка ты домой. Ляг на диван, и пускай твоя Мария над тобой поколдует. Она это может, я знаю. Ну, даст какую-нибудь мазь, порошок, сделает припарку...

— Придется, — раздраженно проговорил Гуров. — Какой из меня работник при такой болезни?

— Вот и поезжай, — приободрил Гурова Крячко. — Сейчас я вызову дежурную машину, бережно тебя в нее погружу и — привет супруге Марии. В общем, лечись. А насчет трудов наших скорбных не беспокойся. Я потружусь за двоих. Нам не привыкать.

Гуров с угрюмым видом пожал плечами, набрал номер телефона жены и коротко доложил ей суть приключившейся с ним оказии. Мария

заохала, забеспокоилась и сказала, что тотчас же едет домой — несмотря на то что сейчас в театре репетиция и она играет в спектакле одну из главных ролей. На том и порешили.

Дома Мария уложила супруга на диван и намазала ему поясницу какой-то мазью. Постепенно боль почти утихла, и Гуров приободрился.

— Вот, — сказал он жене, — и конец моим страданиям. Сегодня отлежусь, а завтра — на работу. Подумаешь, поясница!

— Ну-ну, — с сомнением сказала Мария. — Не думаю, что все так просто.

Она оказалась права. В течение вечера и ночи боль периодически возвращалась к Гурову. Когда он лежал неподвижно, было еще терпимо, но когда пытался шевельнуться, а тем более повернуться на другой бок, боль давала о себе знать самым беспощадным образом.

— А ты говоришь — отлежусь и на работу, — укорила Гурова жена. — Сколько раз я тебе говорила, относись к своему здоровью серьезнее! Куда там! Для тебя важнее поймать какого-нибудь очередного бандита, чем прислушиваться к моим словам! Вот и доигрался!

Гуров хотел что-то возразить жене, но не нашел что сказать и лишь сокрушенно махнул рукой. Да и что тут скажешь, когда жена права?

Дождавшись утра, Мария вызвала Михаила Семеновича — семейного доктора. Михаил

Семенович прибыл очень скоро. Он был преклонного возраста, но подвижен и энергичен.

— Ну и что тут у нас? — спросил он бодрым голосом. — Кто больной? Чем больной? Почему больной?

— Да вот, — указала Мария на лежащего на диване супруга. — Поясницу ему прихватило. Еще вчера. И не отпускает до сих пор.

— Ай-ай-ай, — огорченно произнес Михаил Семенович. — Поясницу! Еще вчера прихватило! Ну-ка, ну-ка... Голубушка, помогите вашему супругу раздеться до пояса. Мне надо произвести осмотр.

Кряхтя и морщась, Гуров с помощью жены снял одежду. Доктор тем временем вымыл руки и приступил к осмотру.

— Так, так, так, — приговаривал он, быстро и ловко пробегая пальцами по пояснице, а заодно и по всей спине Гурова. — Вот так болит? А вот так? А если я нажму вот сюда — больно?

Больно было везде, куда нажимал доктор, о чем Гуров ему каждый раз и сообщал.

— Ну что я вам скажу, батенька, — в старорежимном стиле выразился Михаил Семенович. — Плохи ваши дела. Да-да-да! Неважны. Хондроз поясничного отдела — вы слышали или нет такие страшные слова? Причем в запущенном состоянии. В крайне запущенном, вот ведь какое дело! Придется серьезно лечиться.

— А как же работа? — жалобно спросил Гуров. — У меня работы невпроворот.

— Работа была и будет всегда, а здоровье — одно! — решительно возразил доктор. — Так что — никакой работы! Лечиться, лечиться и еще раз лечиться. Сейчас я выпишу рецепт, а вы, голубушка, — доктор посмотрел на Марию, — будьте так любезны приобрести все эти лекарства в аптеке. И будьте ему сиделкой и нянечкой. Ведь он у вас, я так понимаю, неслух?

— Еще какой! — подтвердила Мария.

— Вот видите. А между тем болезнь серьезная. Если ее не лечить, могут быть последствия! — Доктор с важным видом поднял палец. — Печальные последствия. А вы, голубчик, — теперь он посмотрел уже на Гурова, — еще такой молодой человек. Зачем вам и сама болезнь, и тем более последствия? Так что лечиться нужно самым серьезным образом. Да.

— И сколько времени? — прежним жалобным тоном поинтересовался Гуров. — Двух дней хватит?

— Он мне говорит, два дня! — всплеснул руками доктор. — Голубчик! Две, а то и три недели — самое меньшее!

— Доктор, вы назвали невообразимые сроки! — ужаснулся Гуров. — Какие две, а тем более три недели! Говорю же, у меня работа! ■ Срочная. Безотлагательная.

— Ничего страшного, — успокоил пациента доктор. — Уверяю вас, что если вы не сделаете какое-либо срочное и безотлагательное дело, мир от этого не рухнет. Ведь не рухнет же?

— Ну... — с сомнением произнес Гуров.

— Вот видите. Так что смотрите на вещи проще. Тем более что названные мною три недели отводятся только на начальный этап лечения. За это время у вас исчезнут лишь острые симптомы, а вот сама болезнь — ни-ни! А потому вам придется лечиться и дальше. Иначе в любое время возможен рецидив.

— Лечиться дальше? — в ужасе произнес Гуров. — Доктор, вы сейчас произнесли невозможные слова!

— Да-да-да! — категорически заявил Михаил Семенович. — Именно так — лечиться дальше! Ибо хондроз — вещь крайне неприятная. И если к ней относиться легкомысленно, у вас непременно наступит болезненная и безрадостная старость. Скажите, вы хотите, чтобы у вас когда-нибудь наступила безрадостная старость?

— Да, в общем, не очень... — нерешительно произнес Гуров.

— А тогда прислушайтесь к моему совету. После того как первичные симптомы будут сняты, я вам категорически рекомендую для закрепления результатов побывать в санатории.

— Где? — переспросил Гуров.

— В санатории. Месяц пребывания в нем — и вы без опасения сможете пригласить свою даму на тур вальса. А также сумеете гоняться за вашими преступниками. Ведь вы, насколько я помню, следователь?

— Оперуполномоченный.

— Ну, тем более.

— Месяц в санатории! — От таких слов Гуров не мог прийти в себя. — Да что же мне там делать столько-то дней?

— Выполнять предписания лечащих врачей, — пожал плечами доктор. — Что же еще? Ну и, конечно, отдыхать. Наслаждаться курортными видами. А они, уверяю вас, там просто чудесны.

— Да где же он находится, этот санаторий? — От слов врача Гуров расстраивался все больше и больше.

— Не так и далеко, — сказал доктор. — В соседней области. — Всего два часа езды от Москвы. Ну, или около этого... Так что вы, голубушка, — доктор взглянул на Марию, — всегда можете навестить вашего мужа. Замечательный санаторий. Прекрасные невропатологи. И, что немаловажно, стоит путевка совсем недорого.

— Дожил полковник Гуров! — с нотками печального сарказма произнес Гуров. — Его отправляют лечиться в санаторий, где лечат нервных больных. Об этом печально даже подумать! Гуров — болен нервной болезнью...

— Не понимаю причины вашей иронии, — заметил доктор. — Голубушка, объясните ему сами. Кажется, мы думаем с вами одинаково.

— Раз доктор сказал, что надо ехать в санаторий, значит, надо ехать в санаторий! — решительно проговорила Мария. — Какие могут быть разговоры и сомнения? Или ты хочешь, чтобы печальная старость наступила у нас обоих? Ты будешь сидеть в инвалидном кресле, а я — за тобой ухаживать? Так ты мыслишь нашу совместную старость?

— Нет, что ты! — уверил жену Гуров. — На этот счет у меня совсем другие планы...

— Значит, поедешь в санаторий, — уже спокойнее произнесла жена. — Как только тебе станет легче, так и поедешь. А я буду тебя навещать. И звонить. Да и вообще: месяц — это немного. Не успеешь и руками развести...

— Истинно так, голубушка, истинно так! — поддержал Марию доктор. — Золотые ваши слова. Ну, так я выписываю рецептик, а заодно пишу и адрес санатория!

— Пишите! — решительно произнесла Мария, а Гуров лишь вздохнул.

— Алло, Станислав, — жалобным голосом сказал в телефонную трубку Гуров. — Мне конец. Меня приговорили...

— Надеюсь, не к утоплению в море с камнем на шее? — поинтересовался Крячко.

— Хуже. К санаторию. Сроком на целый месяц. И это не считая двух, а то и трех недель лечения дома. Ввиду моего хондроза. Ты представляешь?

— И что именно я должен представить? — вкрадчиво поинтересовался Крячко.

— Мою печальную ситуацию, — пояснил Гуров.

— А в чем заключается эта самая печаль?

— Ну, как же... Почти два месяца безделья! С ума сойти! В общем, мне нужна твоя помощь.

— Ну, так я же не доктор, — усмехнулся в трубку Крячко. — Чем же я могу помочь?

— Отмажь меня от санатория, — попросил Лев Иванович. — Прощу тебя как старого друга.

— И как же? — В голосе Крячко чувствовалась уже просто змеиная вкрадчивость.

— Скажи жене, что на работе у нас завал, — предложил Гуров. — И что без меня этот завал не разгрести ну просто никак. Тебя она знает и потому поверит. А уж за мной дело не станет. Отблагодарю по полной программе.

— И это все? — весело поинтересовался Крячко.

— Все! — решительно произнес Лев Иванович.

— А вот фиг тебе! — сказал Стас. — Даже и не подумаю! И даже стану всячески убеждать твою Марию, чтобы она обязательно отправила тебя под звонкие фанфары в санаторий.

— Да что ты такое говоришь! — ужаснулся Гуров. Чего-чего, а такого откровенного вероломства он от Крячко никак не ожидал.

— То и говорю, — спокойно сказал Стас. — Более того, привлеку к этому делу самого генерала Орлова. Он мужик с понятием и потому поймет, что отдых в санатории для твоего же блага. А уж как он умеет уговаривать, ты это знаешь не хуже моего.

— И это называется друг! — с горечью в голосе произнес Гуров.

— А то кто же, — с прежним спокойствием сказал Крячко. — Конечно, друг. Оттого и поступаю по-дружески. А с завалами на работе я как-нибудь справлюсь и без тебя. Завалы есть и будут, а здоровье у тебя одно.

— Да ты послушай...

— Скажи, ты когда-нибудь был в больнице? — перебил Гурова Крячко.

— Ну, конечно, был, — буркнул Лев Иванович. — Когда меня подстрелили...

— Это понятно, — опять перебил приятеля Стас. — А так, чтобы по своей воле, с какой-нибудь болячкой — был или не был?

— Ну, не был...

— Значит, не был. Ну, а в санаториях бывал?

— Да при чем тут санаторий!..

— Вот и побудь. Друг у меня один — ты, и я хочу тебя видеть здоровым и бодрым, а не скрученным, как крендель... А я тебя буду

навещать — со скорбным видом и с апельсинами в авоське. Потому что так полагается — и скорбный вид, и апельсины в авоське. Ну, убедил? Или мне призвать на помощь тяжелую артиллерию в виде генерала Орлова?

— Да пошел ты...

— Сам иди по этому адресу! А еще лучше — поезжай в санаторий!

Гуров в сердцах отключился от связи и предался скорби. По всему выходило, что санатория ему не миновать. Тем более что поясница по-прежнему продолжала ныть, сверлить, стрелять и всячески донимать Льва Ивановича.

ГЛАВА 2

— Так это и есть ваш хваленый санаторий? — с неудовольствием спросил Гуров у какой-то дамочки в белом халате, которая вышла на крыльцо, чтобы встретить его.

— Да, — ответила женщина. — Это он и есть. Называется «Сосновый бор».

— Хм! — ядовито сказал Гуров.

У него было прескверное настроение. Ему не нравился ни сам санаторий, ни его название, ни крыльцо, на котором он стоял и разговаривал с женщиной в белом халате, ни сама женщина. Он не нравился даже сам себе. Даже чудная, выкрашенная в голубые и желтые цвета

окрестная октябрьская природа и та ему сейчас не нравилась. Даже утренний свежий октябрьский воздух и тот вызывал в нем раздражение.

— Н-да! — сказал он еще ядовитее.

— Успокойся, — шепнула Льву Ивановичу жена. — И веди себя прилично.

Мария приехала в санаторий вместе с мужем, чтобы самолично разузнать, что здесь и как, а то ведь от Гурова разве дождешься внятных разъяснений относительно его здоровья. Вместе с женщиной в белом халате они прошли в вестибюль. Здесь их встретила другая женщина, также в белом халате.

— Пройдемте со мной, — сказала она Гурову. — Я покажу вам вашу палату.

— Палату! — с раздражением произнес сыщик. — Хорошо, что не камеру!

— Ну, ваш номер. Или комнату, — улыбнулась женщина. — Называйте как хотите.

— Если бы дело было в названии! — буркнул Гуров.

— А в чем же? — взглянула на собеседника женщина.

— В сути, — кратко пояснил Лев Иванович. — Ну, ведите меня в мою камеру!

Мария, которая пошла вместе с Гуровым, ткнула ему в бок кулачком и шепнула:

— Где же твое хваленое хладнокровие, Лев Иванович? Прими происходящее как данность, и тебе сразу же станет спокойнее!

— А! — в отчаянии махнул рукой Гуров.

— Вот, — сказала женщина в халате, подходя к какой-то двери. — Ваша палата... то есть, я хотела сказать, номер... в общем, здесь вы будете жить. Номер рассчитан на двух жильцов, но соседа у вас не будет. Сейчас осень, — пояснила она, — а в это время пациентов у нас не слишком много. Так что никто вас беспокоить не будет. Ну, располагайтесь.

Женщина вышла, а Гуров осмотрелся. Номер как номер — вполне приличный и даже уютный, с телевизором, холодильником, двумя кроватями, двумя креслами и небольшим столиком у широкого окна. За окном виднелись и беззвучно качались под ветром деревья с желтой листвой.

— По-моему, неплохо, — бодрым тоном произнесла Мария. — Так что ты, Гуров, не дури и не хандри. Лечись. Сам ведь понимаешь — надо.

— Вот так она и подкрадывается... — угрюмо произнес Гуров.

— Кто? — не поняла Мария.

— Старость, — сказал Гуров. — Шаг за шагом, незаметно... И ты хоть лечись, хоть не лечись, а она все равно все ближе и ближе. Так для чего, спрашивается, лечиться? От старости лекарства нет.

— Ну вот, ударился в философию, — укоризненно произнесла Мария. — Ах, Лева, Лева!

При чем тут философия? Все гораздо проще! Заболел — лечись. Вот и вся философия.

— Не знаю... — пожал плечами Гуров. — Может, ты и права. Но... Вот как только я вошел в эту камеру, так мне отчего-то сразу подумалось о старости. Ты не знаешь, случайно, к чему это?

— Знаю, — усмехнулась Мария. — Эти мысли из-за твоей хандры.

— Ну-ну, — с сомнением произнес Лев Иванович.

— Все, я поехала обратно, — сказала Мария. — А ты будь на связи. И не дури. И не ввязывайся ни в какие приключения, слышишь! Твое дело — лечиться и отдыхать.

— Да какие тут могут быть приключения? — безрадостно усмехнулся Гуров. — Откуда им тут взяться? Одно слово — санаторий «Сосновый бор». Тишина, покой и тоска.

— Ну, ты найдешь чем заняться, если захочешь. На ровном месте. Мне ли тебя не знать, — уверенным тоном произнесла Мария. — Смотри мне!

— Все будет нормально, — вяло махнул рукой Гуров. — Вылечусь, отдохну и вернусь домой. Красивый и толстый.

Они вышли на крыльцо. Мария поцеловала мужа, помахала ему рукой и пошла к машине. Гуров остался на крыльце и смотрел ей вслед. Супруга села в машину, та тронулась, а Лев

Иванович остался стоять на месте. Почему-то ему опять подумалось о старости.

Стараясь отвлечься от дум, Гуров встряхнул головой и окинул взглядом окрестности. Несмотря на то что санаторий назывался «Сосновый бор», никаких сосен поблизости он не увидел. Зато почти от крыльца начинался лиственный сад с липами, березами, рябинами и еще какими-то деревьями с большими серыми стволами — как они называются, Гуров не помнил. В саду между деревьями извивались выложенные плиткой дорожки, там и сям стояли разноцветные скамейки и сооружения непонятного назначения, а вдаль, на другом конце сада, сгрудились какие-то строения, которые было почти невозможно разглядеть из-за деревьев.

— Пойдемте со мной, — раздался за спиной Гурова женский голос. — Нужно заполнить карту и ознакомить вас с курсом лечения.

— Да-да, — тоскливо сказал Гуров. — Конечно же... Скажите, а что это за серые строения? Там, на другом конце сада?

— Там дом престарелых, — пояснила женщина.

— Дом престарелых? — переспросил Лев Иванович.

— Да. Старички, доживающие свой век. Наши, так сказать, соседи. А этот сад — он общий, их и наш. В хорошую погоду мы здесь гуляем.

И они, и мы. Да вы не беспокойтесь — от них никакого вреда и никакой суеты. Тихие, почти незаметные... Одним словом, старички. Ну, пойдете же. У нас все по расписанию.

То, что на другом конце сада находился дом престарелых, отчего-то нагнало на Гурова еще большую тоску.

«Просто я выбился из колеи, — подумал он. — Сбился с ритма жизни. Так бывает. Да и как тут не сбиться и не выбиться, когда жил себе и работал, а тут вдруг на тебе — санаторий... Ничего. Надо просто собраться с мыслями, перестать раздражаться по пустякам — и все будет нормально. Все станет как и прежде».

И, подумав таким образом, Гуров почувствовал, что успокаивается и обретает привычную бодрость духа.

ГЛАВА 3

Лечебные процедуры оказались необременительными и не занимали много времени, а потому большую часть дня Гуров был предоставлен самому себе. Мрачные мысли перестали его доносить, он повеселел, приободрился и завел несколько знакомств с другими пациентами санатория. И даже сыграл с ними несколько партий в домино, удивившись в результате самому себе: давненько он не играл

в домино, даже позабыл, что есть такая игра. И вот вспомнил.

А еще он полюбил гулять по саду. Иногда — в компании, но чаще всего в одиночестве. Гуляя, он размышлял, и эти размышления удивляли его самого. Вот, дескать, есть такое простое удовольствие — беззаботная прогулка, а он из-за постоянной суеты и спешки, из-за стремления как можно больше сделать и везде успеть даже позабыл, что на свете существуют прогулки! А это, оказывается, очень даже неплохое и увлекательное занятие!

Гулял Гуров ежедневно, несмотря на то что тихие и солнечные осенние дни сменились днями ветреными и дождливыми. Ну и что с того, что дождь и ветер? Прогулка замечательна в любую погоду! Хотя, конечно, вам-де, батенька, с вашим хондрозом следует побережться, а то не ровен час могут начаться непредвиденные осложнения из-за прогулок в дождливую и ветреную погоду. Так советовали Гурову врачи, работающие в санатории. Он соглашался с врачами и обещал побережться, но своих обещаний обычно не выполнял. Прогулки были для него самоуспокоительным ритуалом, и как тут было от такого благостного ритуала отказаться!

Иногда, гуляя, Лев Иванович встречался со стариками и старухами из дома престарелых. Парами, небольшими компаниями, а иногда и в одиночку они так же, как и Гуров, проха-

живались по дорожкам сада, молча или о чем-то переговариваясь, сидели на скамейках... Несколько раз Гуров замечал старушек, увлеченно собирающих палые желтые листья и красные рябиновые ягоды. Встречаясь взглядом с Гуровым, старики каждый раз с ним здоровались, и он им отвечал.

Иногда Лев Иванович ловил себя на мысли, что эти старушки и старички кажутся ему не обычными пожилыми людьми, а некими фантастическими существами из другого, неведомого ему мира. «Вот, — думал Гуров, — старики и старушки. Люди, которые не нужны никому, кроме самих себя. Да-да! Потому что если бы они были нужны еще кому-то, то не были бы сейчас здесь, в этом казенном саду». Иногда Гуров останавливался и украдкой наблюдал за стариками, и ему в этот момент очень хотелось знать, о чем они думают, что чувствуют, на что надеются, чего ждут от наступившего дня и верят ли, что и завтрашний день будет в их распоряжении.

А еще ему ежедневно звонила жена и требовала подробного отчета: как его лечат, чем именно, каковы результаты лечения, а также каково моральное самочувствие Гурова. Несколько раз звонил Крячко, выражая слова поддержки, а один раз даже позвонил сам генерал Орлов: дескать, ты там не балуй и лечись как полагается, а все остальное приложится.

В такой безмятежности прошли две недели. А потом — случилось непредвиденное событие: в саду нашли мертвую старушку. Слух об этом моментально разнесся по всему санаторию, как оно обычно и бывает в подобных случаях. Гуров услышал о старушке утром, когда завтракал в столовой. Дескать, вечером все было хорошо и тихо, никаких покойников под деревьями не лежало, а рано утром пожилую женщину и обнаружили. Гуляли по саду — и случайно наткнулись на мертвое тело. Что за старушка? А должно быть, тоже из дома престарелых. Другим-то старикам откуда тут взяться? Что ж, умерла и умерла. На то они и старушки, чтобы умирать. Одно непонятно — почему она скончалась именно в саду и именно ночью, когда в это самое время старушкам полагается спать в отведенных им покоях? Ну да, опять же, где застала смерть, там и умерла. Смерть — она ведь не спрашивает, когда приходить. Может, бабуля гуляла вечером в саду. Или еще какие-нибудь причины заставили ее ночью выйти из дома престарелых. Старики — они народ загадочный и скрытный. Впрочем, полицейские во всем разберутся. Обещали приехать.

Когда Гуров услышал про мертвую старушку и про полицейских, он поднялся из-за стола и решил сходить на место происшествия. В нем моментально проснулся сыщик.

Где лежит мертвая старушка, Лев Иванович определил сразу же, как только сошел с крыльца санатория. На месте происшествия толпилось изрядное количество народа.

Гуров подошел ближе и осмотрелся. Ни полицейской машины, ни людей в форме он не увидел: должно быть, местная полиция еще не подъехала. Были лишь старики и старушки, пациенты из санатория и даже несколько дамочек в белых халатах. Люди толпились, шушукались, скорбно качали головами, но близко к мертвому телу не подходили.

Гуров проник сквозь толпу и подошел к старушке поближе. Она лежала на спине, вытянувшись в струнку, откинув назад руку и запрокинув голову. Покойница была как покойница, таких покойниц Гуров навиделся за свою бытность сыщиком немало, но все же какие-то подспудные, едва уловимые моменты Льва Ивановича в этом печальном зрелище насторожили.

Таких моментов было два. Во-первых, Гурова насторожило положение тела мертвой старушки. Конечно, люди умирают по-разному, всяк по-своему, и положение тел у них при этом также самое разное. Но одно дело, когда люди умирают собственной смертью, — в этом случае положение тела у них, можно сказать, обыкновенное. И совсем другое дело — когда людей убивают. Тут уж положение тела у них

особенное. В чем именно заключается такая особенность, объяснить трудно, здесь имеется множество нюансов. Но сыщику с опытом такие нюансы всегда видны отчетливо. А Гуров как раз и был сыщиком с опытом, и потому он сразу же обратил внимание на положение тела мертвой старушки и решил, что ее убили.

Второй момент был еще более настораживающим, чем первый. На старушке был светлый осенний плащ, и этот плащ был в изрядном беспорядке: раскрыт на груди, а правый карман вывернут. Такое впечатление, будто старушка, перед тем как умереть, что-то судорожно искала у себя за пазухой или в карманах. Или кто-то ее обыскивал.

Гурову просто-таки до чесотки в руках захотелось подойти к мертвой старушке ближе, осмотреть тело, затем осмотреть место происшествия, попытаться найти возможные следы преступника, всмотреться в них, определить, чьи они и куда ведут, — словом, выполнить всю первоначальную работу, каковую и полагается делать сыщику в подобных случаях.

Но усилием воли он сдержал свой профессиональный порыв. По идее, вот-вот должна была подъехать следственная бригада, и Гуров не хотел путаться у нее под ногами. Да и к тому же кем он был в данной ситуации? Можно сказать, что никем. Так, частным лицом, паци-

ентом неврологического санатория «Сосновый бор». Гуров вздохнул, поднял воротник куртки, так как накрапывал дождь, и решил дожидаться прибытия местной полиции.

Полиция и впрямь скоро прибыла. Но ни следователя, ни эксперта, ни оперуполномоченного Лев Иванович, к своему удивлению, не увидел. Из машины нехотя вышли два сержанта и, ежась под дождем, приблизились к мертвой старушке.

— Кто ее знает? — спросил один из сержантов, обращаясь сразу ко всей толпе.

— Я, — протиснулась вперед какая-то женщина. — Она — наша...

— Ваша — это чья? — спросил сержант.

— Из дома престарелых, — пояснила женщина.

— А вы кто? — спросил сержант у женщины.

— Я заместитель директора дома престарелых, — пояснила женщина и повторила: — Наша она. Елизавета Петровна Калинина. Восемьдесят лет от роду...

— Понятно, — сказал сержант. — Чем-то болела?

— Елизавета Петровна? Конечно, болела. Старики — они все болеют...

— Угу, — сказал сержант. — Восемьдесят лет, болела... Оттого и умерла. В общем, дело ясное. Расследовать здесь нечего. Сейчас поедет «Скорая», и ее увезут.

Оба сержанта повернулись и торопливо зашагали к машине, уселись на сиденье, и один из них стал заполнять какие-то бумаги. Гуров недоуменно хмыкнул, почесал лоб, подошел к машине и постучал в стекло.

— Что? — приоткрыл дверцу сержант.

— И это все? — спросил у него Гуров.

— Вы о чем? — не понял сержант.

— Я о мертвой старушке, — пояснил Гуров. — А как же осмотр тела и осмотр места происшествия? А опрос свидетелей?

— Каких еще свидетелей? — поморщился сержант. — При чем тут свидетели? Дело ясное — человек умер своей смертью. Восемьдесят лет, всякие болезни... Все, что нам было нужно, так это установить личность умершей. Ну, мы установили...

— А вы что же, медицинский эксперт-криминалист? — спросил Гуров.

— Что? — прищурился сержант, глядя на Гурова.

— Я говорю, откуда вам известно, что старушка умерла своей смертью? А может, ее убили?

— Ха! — с иронией сказал сержант, подумал и спросил у Гурова: — А вы, собственно, кто такой?

— Никто, — угрюмо ответил Лев Иванович. — Лечусь в санатории.

— Вот и лечитесь! — отрезал сержант. — Лезут тут всякие. Указывают... Тоже мне сыщик нашелся!

— И все-таки, — не отступал Гуров, — вам бы следовало осмотреть тело. Хотя бы — проверить карманы. А вдруг у нее в карманах предсмертная записка? Или какая-нибудь драгоценность. Всякое бывает...

— А ведь и вправду! — произнес второй сержант. — Тело-то мы не осмотрели. А ведь полагается. Мало ли что в карманах у этой старушки...

— Черт! — недовольно сказал первый сержант, вылезая из машины. — Еще и дождь, как назло! Ходят тут всякие, советуют... — он злобно покосился на Гурова.

— Прошу прощения за беспокойство, — развел руками Лев Иванович.

Сержант ничего не сказал, вместе с напарником подошел к мертвой старушке и принялся шарить у нее в карманах.

— Предсмертная записка, драгоценности! — передразнил он Гурова. — Ничего нет! Карманы пустые!

— Понятно, — сказал Гуров. — А каких-нибудь пятен на одежде вы, случаем, не обнаружили? Которые похожи на кровь...

На этот раз сержант и вовсе не удостоил Гурова ответом, забрался в машину и вновь принялся за бумаги. Подъехала «Скорая». Сержант, не вылезая из автомобиля, коротко поговорил с фельдшером и сунул ему исписанную бумагу. Фельдшер взмахнул рукой, из «Скорой» пока-

зались два человека с носилками, растолкали толпу, подошли к покойнице, погрузили ее на носилки и унесли. «Скорая» тронулась.

— Подождите! — крикнул Гуров сержанту, видя, что и полицейские тоже собираются уезжать.

— Ну, что еще? — спросил сержант, приоткрывая дверцу машины. — Как же ты мне надоел, дядя!

— Пусть ваш оперуполномоченный, который будет расследовать это дело, заскочит в санаторий и спросит Гурова Льва Ивановича. Это я. Не забудьте, пусть спросит Гурова Льва Ивановича.

— Зачем? — лениво спросил сержант.

— Мало ли, — уклончиво ответил Гуров. — Вдруг ему захочется со мной пообщаться. Всякое бывает...

Сержант ничего не ответил, захлопнул дверцу, и машина тронулась. Лев Иванович стоял под дождем и смотрел ей вслед. Он не сердился на дураков-сержантов ни за их непрофессионализм, ни за их невежливое отношение к нему. Таких сержантов он навиделся на своем веку немало, на всех сердиться — никакой злости не хватит. Сейчас он думал о гипотетическом оперуполномоченном, который, по идее, должен задуматься над обстоятельствами смерти старушки. А ведь должен, если не дурак, — потому что и дураков-оперуполномоченных Лев

Иванович навидался предостаточно. И если этот неведомый Гуров местный опер и впрямь не дурак, то он обязательно расспросит оболтусов-сержантов обо всех обстоятельствах и нюансах, связанных со смертью старушки, и явится к Гурову, если, конечно, сержанты скажут ему о том, что Гуров просил явиться.

А уж Льву Ивановичу есть что сказать местному оперу. Во-первых, о необычном положении тела мертвой старушки. Во-вторых, о ее расхристанном плаще и вывернутом кармане. Ну, и в-третьих, у самого Гурова есть о чем спросить местного опера. Например, от чего умерла старушка: экспертизу-то, наверное, все равно так или иначе будут проводить.

Возможно, размышлял далее Гуров, он переусердствовал в своих предположениях и старушка действительно умерла своей смертью, несмотря на положение тела, расхристанный плащ и вывернутый карман. Что ж, и замечательно. То есть, конечно, ничего хорошего, когда человек умирает, а замечательно то, что ее не убили и она умерла по естественным причинам. А вот если бабулю действительно убили, то тут, конечно, напрашивается целый ворох всевозможных дополнительных вопросов и предположений.

Во-первых: как именно и чем именно убили? Будучи рядом с телом, Гуров не заметил следов крови. Конечно, этот факт сам по себе ни о чем

не говорит — разве мало бывает бескровных убийств? Уж Гуров-то об этом знает распрекрасно. Ну, а коль убили, то кто и зачем? Старушки существа, так сказать, загадочные. Они почти как непорочные ангелы, все их прегрешения, если они и были, в прошлом. А теперь они сплошная невинность и чистота. Так за что же убивать невинную и чистую душу? Конечно, бывает всякое, и на безгрешную душу найдется нелюдь, но все равно — в преждевременной смерти любой старушки или старика всегда таится некая печальная загадка. Хотя, опять же, может быть и такое, что никакой особой загадки и нет, а просто шел мимо какой-то варнак, увидел одинокую гуляющую старушку и подумал: а дай-ка я проверю, что у нее в карманах. Старушки — они запасливые, может быть, что-то ценное найдется. Ну, а дальше все понятно и без дополнительных комментариев...

Вот обо всем этом Гуров и поговорит с местным оперуполномоченным. Конечно, если тот явится...

ГЛАВА 4

Когда Лев Иванович вернулся в санаторий, было уже обеденное время. В столовой народ обсуждал недавнее событие — мертвую старушку в саду. Гуров прислушался. Он всегда, если

бывала такая возможность, старался прислушаться к народному мнению относительно того или иного происшествия. Нередко он специально совершал хождение в народ, чтобы выслушать народные версии касательно того или иного происшествия. Прикинувшись зевакой или просто случайно шедшим мимо мужичком, он останавливался близ судачившего народа и слушал, слушал, слушал... А иногда даже принимал участие в споре, ловко вворачивая в разговор интересовавшие его вопросы.

Конечно, в большинстве случаев народные мнения являлись, так сказать, вольным плодом народного творчества, но иногда кто-нибудь выдавал настолько разумное и обоснованное мнение об интересующем его предмете, что Гуров приходил в тихий восторг. И тогда он брал это мнение в качестве основной версии, и на поверку оказывалось, что это была правильная версия, которая, в конце концов, приводила к раскрытию преступления.

Вот и сейчас Лев Иванович вроде как бы безучастно сидел за столом, ковырялся в тарелке, то и дело рассеянно вглядывался в окно, а сам слушал. Нельзя сказать, что народ, принимавший участие в обсуждении недавнего происшествия, радовал Гурова разнообразием предположений и мнений о случившемся. Большинство сходилось на том, что старушка все же умерла собственной, естественной смер-

тью. Вышла, мол, погулять перед сном по саду и неожиданно скончалась. Конечно, все это печально, но, как говорится, все там будем. То есть это была та же самая версия, которую выдвинули два обормота-сержанта.

Но выдвигались и другие мнения. Их было совсем немного, но они все же имели место быть. Кто-то за столиком в углу настойчиво доказывал, что в смерти старушки не все так просто, а есть в ней некая загадка. Для чего, к примеру, старушке нужно было идти в сад? Прогуляться перед сном? Очень может быть, но ведь прошлым вечером, насколько помнится, накрапывал дождик. Какие могут быть прогулки, когда идет дождь, а тебе восемьдесят лет? А может быть, старушку привели в сад какие-то обстоятельства чрезвычайного характера? Но тогда какие? Да и потом: откуда известно, что старушка умерла именно вечером? А может, она скончалась ночью? Или даже под утро? А тогда возникают дополнительные вопросы. Например, о том, что понадобилось покойнице ночью в саду? И вообще, почему пожилую женщину не хватились в доме престарелых, когда заметили ее отсутствие? Или у них там воля вольная? Тем более что никто пока не знает истинных причин ее смерти. Да хоть бы они и были известны, что с того? Допустим, у старушки случился инфаркт. Ну, так до него можно и довести! Допустим, сообщил старушке кто-то в саду неприятную весть, вот тебе и инфаркт. Старушкам мно-

го ли надо? Так что как вы себе хотите, а в деле смерти бабули ничего еще не ясно.

Гуров вслушивался в эти доводы и одновременно внимательно разглядывал того человека, который их произносил. Это был средних лет мужчина, приблизительно ровесник Гурова, с плешью на голове, изрядным животиком и круглым добродушным лицом. Судя по всему, такой же страдалец невралгией, что и Гуров. Кажется, Лев Иванович видел его впервые. А может, сталкивался с ним и раньше, но не обратил на него внимания.

Закончив говорить, мужчина встал из-за стола и направился к выходу. Гуров пошел за ним. Поступил он так неспроста и не скуки ради. У него уже возникло и крепло убеждение, что ему, пожалуй, придется заняться причиной гибели старушки. Во-первых, в ее смерти и впрямь таились некоторые загадки. Во-вторых, Гуров сомневался, что местная полиция пожелает всерьез расследовать это дело. Кто их знает, этих местных полицейских, вдруг они все здесь такие, как те два сержантика? В-третьих, сейчас у Гурова бушевал в душе инстинкт сыщика, и заглушать его голос Гуров не хотел, да и, пожалуй, был не в состоянии. А может, это был вовсе и не инстинкт, а просто зов совести или особенность характера Гурова, что, в принципе, было одно и то же. В общем, неважно. Важно другое. Ведь если старушке

и впрямь помогли умереть, то это означало, что где-то поблизости находится и тот, кто это сделал. То есть — убийца. Он по-прежнему живет и здравствует, радуется жизни, а может, и не радуется, а, опасаясь разоблачения, залег на дно. И то, и это было неправильно. Убийца — если старушку и впрямь убили — должен быть найден, разоблачен и посажен куда следует. Только так, и никак иначе. Так считал Гуров, и ничто на свете не могло его переубедить в обратном.

И что с того, что он на лечении в санатории? Значит, он будет действовать как неофициальное лицо, частным образом. Этакий, понимаете ли, частный детектив Лев Гуров. А коль так, то ему нужен помощник — умный, совестливый и неравнодушный к чужим бедам. Отчего бы не попытаться завербовать в помощники этого мужика? Вот как складно, логично и разумно он рассуждал в столовой! И, что немаловажно, эти его рассуждения почти полностью совпадали с рассуждениями самого Гурова. То есть этот мужик был потенциальным единомышленником Льва Ивановича. И это замечательно. Когда расследуешь преступление, очень важно, чтобы рядом находился помощник и единомышленник. Особенно если это частное расследование, когда сложно рассчитывать на поддержку закона, а в основном приходится полагаться лишь на собственные силы.

■ — Подождите! — окликнул Гуров мужчину.

— Вы это мне? — оглянулся незнакомец.

— Да, — сказал Лев Иванович.

Мужчина остановился и со спокойным любопытством посмотрел на Гурова: дескать, что тебе от меня надо?

— Меня зовут Лев Иванович, — представился Гуров.

— Федор Ильич, — в свою очередь отрекомендовался мужчина.

— Насколько я понимаю, вы — такой же болящий горемыка, как и я, — улыбнулся сыщик.

— Да уж, — улыбнулся в ответ Федор Ильич. — Имеются у меня некоторые проблемы по неврологической части.

Улыбка, которой улыбался мужчина, Гурову понравилась. Это была хорошая, чистая улыбка без всякого лицемерия и прочей двусмысленности. Так обычно улыбаются искренние и умные люди, которые, что называется, всегда и во всем на виду.

— Ну, и у меня тоже, — признался Гуров.

— Стало быть, мы с вами родственные души, — сказал Федор Ильич.

— Что-то вроде того, — подтвердил Лев Иванович. — Но я хотел поговорить с вами не о наших болячках, будь они неладны, а о другом.

— Говорите, — просто сказал Федор Ильич.

— Не здесь, — Гуров взглянул в окно. За окном по-прежнему моросил дождь, а значит, послеобеденная прогулка отменялась. — Лучше

у меня в номере. Я живу в нем один, так что никто нас не услышит и никто не помешает.

— Что, серьезный разговор?

— В какой-то мере.

— Ну, что же делать? Коль надо, то отчего ж не пойти, — согласился Федор Ильич.

Они пришли в номер Гурова, расположились, какое-то время молчали.

— В столовой я слышал, как вы толковали об убитой старушке, — сказал Лев Иванович.

— Неужто я говорил так громко? — удивился Федор Ильич.

— В общем, да, — улыбнулся сыщик.

— Подобное со мной бывает, — огорченно сказал Федор Ильич. — Так-то я мужик тихий, но вот когда увлекусь... Тут уж я перестаю замечать сам себя! И что же вас заинтересовало в моей громкой речи?

— Практически все — от начала до конца, — ответил Гуров. — Ваши выводы были складны, ладны и логичны. Ну, а перечень невыясненных вопросов, который вы озвучили, — это, знаете ли, вообще... Ни добавить, ни убавить.

— Спасибо, конечно, — с некоторым недоумением произнес Федор Ильич. — Но вам-то какое дело до той несчастной старушки?

— Да, в общем, никакого, — пожал плечами Гуров. — Или, точнее, такое же, как и вам.

— Ну, я-то — дело известное, — сказал Федор Ильич. — Я, так сказать, любитель всяче-

ских загадок. Их разгадывание у меня что-то вроде хобби. Вот как увижу какое-нибудь запутанное дело, так и тянет его распутать!

— И что же, удастся? — с интересом спросил Гуров.

— Когда как...

— Значит, смерть старушки вы также считаете делом запутанным?

— В общем, да. О чем я столь громогласно и сообщил недавно в столовой. Но все-таки мне непонятно: для чего вы завели со мной этот разговор? А, кажется, понимаю! Вы такой же любитель всяких тайн, как и я. Угадал?

— Почти, — сказал Гуров. — Но только я не любитель, а профессионал.

— Это как же?

— Полковник полиции. Старший оперуполномоченный уголовного розыска.

— Вот оно как! — Федор Ильич удивленно посмотрел на Гурова. — А я-то думаю, для чего вы завели со мной этот разговор? А оно вишь ты как... Что же, вы расследуете этот случай со старушкой?

— Нет, — сказал Гуров. — Я здесь поправляю здоровье. То есть я частное лицо. Но понимаете ли...

— Понимаю, — улыбнулся Федор Ильич. — Сыщик — он всегда сыщик. В любой ситуации. Знаем, слышали такую истину.

— В общем, да, — согласился Гуров. — Сыщик — всегда сыщик. Так же как и вы. Только вы сыщик-любитель, а я сыщик-профессионал. Или, может, мы с вами коллеги, но только вы не желаете сознаваться? Давайте уж откровенность за откровенность.

— Увы, — развел руками Федор Ильич. — Никакой я не сыщик-профессионал. Я по профессии водитель автобуса. И лечусь здесь от профессиональной шоферской болезни — радикулита. Знаете, когда целыми днями сидишь за баранкой...

— Знаю, — сказал Гуров.

— Вот то-то и оно, — печально произнес Федор Ильич, подумал и спросил: — И что же от меня надо полковнику полиции?

— Содействия и помощи, — пояснил Лев Иванович. — Я слушал вашу речь в столовой, и, вы знаете, я думаю точно так же. То есть мы с вами единомышленники. И это замечательно. Это означает, что вдвоем мы все загадки со старушкой разгадаем.

— Вы хотите заняться расследованием?

Гуров ничего не ответил и лишь развел руками. Дескать, куда же деваться? Даже если и не хочется, то все равно придется.

— Но ведь есть же местная полиция... — неуверенно предположил Федор Ильич.

— Как же, есть, — с неудовольствием ответил Гуров. — Довелось мне с нею пообщаться,

с этой местной полицией. И если все полицейские у них такие, то...

— Понимаю, — сказал Федор Ильич. — Старушка — в годах, а это значит, что она скончалась собственной смертью. Такова их основная версия, она же единственная...

— Вот именно, — подтвердил Гуров.

— Но ведь, наверно, патологоанатомы будут определять причину смерти... А вдруг — убийство?

— Может, будут, а может, и не будут, — мрачно произнес Гуров. — Никаких видимых телесных повреждений на старушке вроде как не замечено, так для чего же проводить экспертизу? Зачем создавать себе лишнюю работу? Умерла бабуся, ну и бог с нею...

— А что, бывает и такое?

— К сожалению, бывает, — вздохнул Гуров.

— Ну, коли так... — с некоторой нерешительностью произнес Федор Ильич. — Если вам и вправду нужна моя помощь...

— Очень нужна! — горячо заверил Гуров.

— Что ж... Все веселее будет время в санатории проводить. И что же от меня требуется?

— Пока не знаю, — ответил сыщик.

— Понятно. Раскрытие любого преступления начинается с составления плана...

— Вот именно, — подтвердил Гуров и подозрительно взглянул на собеседника: — Слушайте, вы и вправду не полицейский?

— Ни с какого боку! — заверил Федор Ильич. — Просто читал в детективных романах. В них много о чем говорится. И о том, как приступать к раскрытию преступлений, и о всяких других хитростях и штучках...

— А, так вы еще и детективы читаете!

— А то!

— Ну, тогда давайте подумаем над планом. А чтобы нам было удобнее думать, сделаем так. Переселяйтесь-ка вы ко мне в номер! Кровати-то здесь две! По-моему, так будет гораздо лучше расследовать смерть старушки. А то вдруг меня осенит ночью какая-нибудь идея! Где мне вас тогда искать?

— А что, бывает, что осеняет и по ночам?

— Сколько угодно!

— Тогда действительно... В общем, ждите меня с чемоданом! Я мигом. Только проинформирую нянечку и соберу вещички.

Через пятнадцать минут Федор Ильич вернулся с вещами.

— Ну, вот, — сказал Гуров, — и хорошо. А теперь будем сочинять план расследования.

— Да, но только с учетом, что мы — люди болезненные и резкие движения нам противопоказаны, — уточнил Федор Ильич. — План планом, но без всяких драк и погонь!

— Дельное замечание, — согласился Гуров.

И они оба рассмеялись.

ГЛАВА 5

План был в общем и целом обыкновенный, стандартный. Таких планов Гуров за всю его бытность сыщиком составил столько, что точное число их не поддавалось никаким подсчетам. Во-первых, нужно было узнать причину смерти старушки. Это было главным. Если она умерла своей смертью, то проводить расследование смысла не было.

Как можно было узнать причину смерти старушки? Ну, например, от местного оперуполномоченного, если он явится побеседовать с Гуровым. А не явится — не беда. В любом случае о причине смерти будут знать в доме престарелых. Обычно полиция сообщает родным и близким результаты экспертизы, а у покойницы, судя по всему, не было никого ближе, чем администрация стариковского приюта. Если бы у старушки были близкие, то вряд ли она находилась бы в этом печальном заведении. Дом престарелых — приют для одиноких стариков. Ну, а узнав причину смерти, можно уже думать и над другими пунктами плана.

— В общем, как бы там ни было, а нам придется подождать до завтра, — сказал Гуров.

— А почему именно до завтра? — поинтересовался Федор Ильич.

— Обычно даются сутки, чтобы определить причину смерти, — пояснил Гуров. — Это не закон, но устоявшаяся традиция.

— Понятно, — сказал Федор Ильич. — Но вот что меня беспокоит...

— Что тело вообще не будут вскрывать? — продолжил его мысль Гуров. — И такое может быть. О чем, собственно, мы уже говорили. Что ж, на этот счет у меня есть предложение. Будем начинать расследование вслепую. То есть, образно выражаясь, отталкиваться от пустоты.

— А что, и такое бывает?

Гуров ничего не ответил и лишь красноречиво развел руками.

— Значит, будем ждать до завтра? — уточнил Федор Ильич.

— И да, и нет, — загадочно ответил Гуров.

— А если чуть-чуть точнее?

— Дождь, кажется, прекратился, — взглянул Лев Иванович в окно. — А потому — не сходить ли нам на место происшествия?

— Ну... — с сомнением произнес Федор Ильич.

— Понимаю, коллега, что вы хотите сказать, — усмехнулся Гуров. — Происшествия случилось ночью, а следы, если они и были, затоптаны зеваками и смыты дождем. Все, конечно, так. А только иногда бывают такие следы, которые невозможно уничтожить. Вот

их-то мы и поищем. Ну, а найдем или не найдем — это уж как повезет.

— Тогда пошли, — с готовностью сказал Федор Ильич. — Но неторопливым шагом...

— Что, радикулит дает о себе знать? — спросил Гуров. — Понятно — дождь. Это его любимая погода.

— Да он у меня в любую погоду не дремлет, зараза! — с досадой отозвался Федор Ильич. — Для него что дождь, что солнце — все едино!

— Так, может, не пойдём? — спросил Гуров. — Или я схожу один, а затем доложу вам о результатах осмотра во всех подробностях.

— Нет-нет! — горячо запротестовал Федор Ильич. — Пойдем обязательно! Не так уж он меня и донимает. Особенно если передвигаться неторопливым шагом... Да, а у вас-то как с вашим радикулитом?

— С хондрозом, — поправил Гуров.

— Ну, без разницы...

— Примерно как и у вас. А вообще мне кажется, что нам пора перейти на «ты». Страх как не люблю «выкать».

— Да и я тоже.

— Вот и прекрасно. Тогда пошли. Медленно и осторожно, чтобы никто не заподозрил, что мы занимаемся делом. Пускай думают, что мы просто гуляем. А то ведь покоя не дадут с замечаниями и советами... Да еще и следом будут ходить толпами.

— Так ведь больной народ! — вздохнул Федор Ильич. — Надо же людям как-то развлекаться... Ну что, пойдём разгадывать тайну?

— Ох! — произнес Гуров и поднялся с кресла, демонстративно держась за поясницу.

— Ах! — произнес Федор Ильич, также держась за свою поясницу.

Сразу к месту, где было обнаружено тело старушки, они не пошли. Наоборот, прошли мимо этого места раз, второй, третий... И только убедившись, что на них никто не обращает внимания, приблизились к тому самому месту, где и была найдена мертвая старушка Елизавета Петровна Калинина.

— Вот тут ее и обнаружили, — сказал Гуров.

— Да, но что толку? — спросил Федор Ильич. — Вот сколько листвы насыпало. Да и дождь... Что тут найдешь? Какие доказательства?

Гуров ничего не сказал в ответ и принялся осматривать местность. Он повертел головой вправо-влево, хмыкнул, отошел на добрых два десятка шагов от места обнаружения трупа, молча постоял, затем сделал столько же шагов в другую сторону... Федор Ильич молча наблюдал за передвижениями Гурова.

— Интересно... — пробормотал Лев Иванович. — Очень даже любопытно...

— И что именно? — осторожно спросил сыщик-любитель.